

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 1

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ

ХАТЫНЬ

ЖИЗНЬ В ОМСКЕ

КАК В СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЖОКОНДУ

СКАЗКА С ПОДРОБНОСТЯМИ

Омск 2021

ИП 2019-12-09

В первый том собрания сочинений Игоря Петракова вошли легендарные «Рассказы о детстве», основная часть которых была написана мною еще в 1980-е годы, в возрасте 11 – 14 лет, и принадлежащие к этому же времени поэмы «Хатынь» и «Как в Советской стране» и цикл юмористических рассказов «Жизнь в Омске».

РАССКАЗЫ О ДЕТСТВЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания о детстве.. Они вносят живость в переживания настоящего, заставляют задуматься о непреходящем.. Они снова и снова появляются перед взором автора.

В них - секрет, загадочность, таинственность, все то, что вызывает перед уже упомянутым взором картины детства, одну за другой.

Мы рассмотрим их подробно и попытаемся восстановить события, описанные мною в возрасте девяти - тринадцати лет. Получится ли, сложится ли в целостную картину? - Вы сможете увидеть сами. Но прежде - немного о литературе. Воспоминание объясняет не случайно канву, ход событий в известных сочинениях писателей – отечественных и зарубежных. Расскажу о некоторых из них.

Особенный, непохожий ни на какой другой мир открывается в сказке Льюиса Кэрролла "Алиса в стране чудес" и "Алиса в зазеркалье". Ее героиня отправлялась в путешествие в придуманное автором царство невероятных превращений и персонажей. Здесь можно было легко увеличиться, отъев от одной половины гриба, можно было посетить "броуновское" чаепитие у мартовского зайца,

узнать, "сколько конфет украл валет" и из чего варила бульон дама, как играть в крокет и ухаживать за младенчиком Герцогини, а также познакомиться с перемещениями фигур на шахматной доске (среди которых выделялись белая и черная королевы, овца, Шалтай-Болтай, король и сама Алиса). Позже, уже значительно позже, в возрасте двадцати четырех лет, я написал русский перевод этих сказок (он опубликован в сборнике "Филологи шутят", вышедшем в прошлом году). Свой перевод сказки выполнил – в двадцать один год - и Владимир Набоков – он известен под названием «Аня в стране чудес». В его переводе Аня прекрасно знает, скажем, русские «версты» - «Хотела бы я знать, сколько верст сделала я за это время», - говорит она, падая к центру вселенной. Затем она приземляется на куче "хвороста" и оказывается в большой "зале". И вспоминает она русские, а не английские стихи, напр., такое - "Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда.." (правда, Аня все перепутала и "вышло совсем не то").

Вместо Чеширского кота милую Анечку ожидает Масленичный кот. Его поведение Герцогиня объясняет просто:

- Не всегда коту масленица, - ответила Герцогиня. - Моему же коту - всегда. Вот он и ухмыляется.

Телепаха, которую Набоков называет почему-то Чепупахой (оттого, наверное, что она несет чепуху и порет чушь), посвящает Аню в секреты своего школьного образования:

" - Мы получали самое лучшее образование - мы ходили в школу ежедневно.

- Я это тоже делала, - сказала Аня. - Нечего вам гордиться этим.

- Ну так ваша школа была не такая хорошая, как наша, - сказала Чепупаха с видом огромного облегчения.

- Чему же вы учились? - полюбопытствовала Аня.
- Сперва, конечно, - чесать и питать. Затем были четыре правила арифметики: служенье, выметанье, уморjenje и пиление.
- Я никогда не слышала об уморжении, - робко сказала Аня. - Что это такое?
Гриф удивленно поднял лапы к небу.
- Крота можно укротить? - спросил он.
- Да... как будто можно, - ответила Аня неуверенно.
- Ну так, значит, и моржа можно уморжить, - продолжал Гриф. - Если вы этого не понимаете, вы просто дуручка.

Аня почувствовала, что лучше переменить разговор. Она снова обратилась к Чепухахе: "Какие же еще у вас были предметы?"

- Много еще, - ответила та. - Была, например, лукомория, древняя и новая, затем - арфография (это мы учились на арфе играть), затем делали мы гимнастику"

Прочитайте мою книжку "Лариса в стране чудес" и вы поймете, что в переводе Набокова есть много отличий от нашего! напр., стихотворение "Дама бубен варила бульон и жарила десять котлет, десятка бубен украли бульон, котлеты украли вилет" здесь выглядит так:

Дама червей для сердечных гостей
В летний день напекла пирожков.
Но пришел Валет, и теперь их нет;
Он - хватать, и был таков!

- то есть сказочный вилет украли на сей раз не котлеты, а пирожки.

В рассказе Чехова "Жизнь в вопросах и восклицаниях" детству выделен целый раздел: "Кого Бог дал, сына или дочь? Крестить скоро? Крупный мальчик! Не урони! Ах, ах! Зубки прорезались? Это у него золотуха? Возьмите у него кошку, а то она его оцарапает! Потяни дядю за ус! Так! Не плачь! Домовой идет! Он уже и ходить умеет! Унесите его отсюда - он невежлив! Что он вам наделал?! Бедный сюртук! Ну, ничего, мы высушим! Он уже говорит! Ах, какая радость! А ну-ка, скажи что-нибудь! Прогнать няньку! Не стой на сквозном ветре! Дайте ему пряник!" В отрочестве высказывания о дите изменяются: "Ты не маленький! А ну-ка, покажи свои отметки! Уже порвал сапоги?! За что вы моего сына на второй год оставили?"

А как необыкновенны рассказы о детях, написанные Аркадием Аверченко, в особенности "Человек за ширмой", "Трава, примятая сапогом" и "Дети". В третьем речь идет о трех благонаправленных на вид мальчиках, порученных воспитанию молодого писателя. За три дня он делает из них отъявленных лентяев и казаков, - так, что вернувшиеся с отдыха родители едва узнают их. Среди всех троих выделяется маленький Ленка, который "клянется своей бородой", что последует за новым воспитателем всюду, куда бы ни забросила его судьба. В рассказе "Человек за ширмой" мальчик Мишка, оставшись один, размышляет над планом возмездия. Однако его размышления прерывает появление в соседней комнате тети и ее ухажера. При этом тетя кокетничает, а офицер предлагает пожертвовать собой ради нее. Мишке это нравится чрезвычайно. Слова взрослых он понимает, как и следует, буквально, и убегает в мир фантазий.

В рассказе Ивана Бунина "Антоновские яблоки" рассказчик вспоминает свою юность, сад, полный запаха антоновских яблок, звезды над ним. Все это неразрывно связано с воспоминанием о прежнем устройстве жизни в Выселках, о жителях деревни, днях, проведенных на охоте. Спрягаются эти воспоминания и с настоящим автором: он вновь видит себя посреди этого села, вновь ощущает свежесть раннего утра. "Антоновские яблоки" - удивительный рассказ, ставший даже предметом пародии в юмористическом журнале - верный признак того, что талантливый автор попал "в самое яблочко".

В повести Александра Грина "Алые паруса" самое яркое воспоминание возникает у Ассоль в возрасте восьми лет. В пути за корабликом, плывущим по ручью, она устремляется в поле,

где ее встречает собиратель сказок Эгль. Он сообщает девочки, что, несмотря на то, что пройдут годы, к ней на точно таком же корабле с алыми парусами приплывет принц. И все происходит так, как сказал Эгль. В юности Ассоль не потеряла веру в то, что его предсказание сбудется. И в один прекрасный день приплыл Грэй.

О детстве воспитанников "республики Шкид" рассказывает одноименное произведение Белых и Пантелеева. Они заняты весьма серьезными делами - напр., выпускают стенгазету "Б у з о в и к" и еще шестьдесят изданий, в которые пишут все, даже ученики младших отделений. По случаю выхода юбилейного выпуска одной из газеты даже устраивается запоминающийся банкет. Позже Янкель и Пантелеев станут журналистами, а Саша Пыльников будет учиться в Педагогическом институте.

В "Доме на набережной" Трифонова воспитываются также талантливые дети. Они уделяют большое внимание школе, а на досуге предпринимая самые отважные вылазки в исторические районы столицы. Один из них ведет дневник, в котором предсказывает военный конфликт с Германией (накануне начала Великой Отечественной). Заметим, что накануне этого конфликта разворачивается и действие повести А.Гайдара "Тимур и его команда", в котором разворачивается почти эпическое противостояние мальчишки Тимура и предводителя местных хулиганов Квакина, заканчивающееся полным и безоговорочным посрамлением его банды.

Во времена Великой Отечественной начинаются события, описанные в повести Ирины Карнауховой "Наши собственные". Таня, Хорри, Пимка, Алеша - все эти ребята, такие разные, но в то же время неуловимо похожие, что становится ясно из их противостояния темной силе, пытавшейся захватить санаторий, знакомы автору с детства. Вместе с ними он со-переживает волнующие моменты повести, пытается найти выход из непростых ситуаций.

Невозможно было остаться равнодушным и к путешествиям мальчика Сани в столице в романе Каверина "Два капитана". Было интересно его знакомство с Татариновыми, квартира которых представлялась «чем-то вроде пещеры Али-Бабы с ее сокровищами, загадками и опасностями», наблюдение за Кораблевым, чтение писем главы пропавшей экспедиции.

В романе Набокова нередко характеристикой героя являются необыкновенные способности к арифметике (в романе "Защита Лужина" - способности к шахматам), которые начинают развиваться в детстве (так в романе "Другие берега", в котором губернатор поторопился объяснить герою - в восемь лет - логарифмы).

С описания детства героя начинается развитие сюжета не только "Защиты Лужина", но и "Приглашения на казнь", рассказов "Лебеда" и "Обида". Воспоминание это, этически окрашенное, становится частью жизни героя. Здесь есть сближение и с традициями русской художественной мемуаристики, и с известным "Детством" Натальи Саррот. В воспоминании даже удаление от бывшего некогда как будто делает его безупречным, придает живость картине настоящего.

Знакомство с героем – неотъемлемая часть сюжета любого романа Вл.Набокова. Это событие закреплено на таком уровне развития сюжета, как предыстория или экспозиция. В романе "Дар" на основе детских воспоминаний писателя реконструирован цельный, "многогранный" мир, где образ отца составляет "предмет благоговения и восхищения" / по мнению В.Ерофеева, главная цель автора при этом - в воскрешении в памяти "совершенного образа" отца, см. в ст. "Русский метароман В.Набокова" /.

Так, спортивные занятия и детские игры наделены в творчестве Набокова признаками сакрального (напр., в романе "Приглашение"). Возможно, благодаря детским воспоминаниям писателя о его занятиях спортом - теннисом, велосипедом, боксом, шахматами ("занятия боксом и теннисом Набоков продолжит и в студенческие годы").

В "Других берегах" описан случай ясновидения, произошедший с героем в детстве.

В "Даре" Федор Годунов-Чердынцев с необычайной ясностью вспоминает - посреди берлинской зимы - о доме в России. В романе "Защита Лужина" в детстве Лужина можно найти "кончик спутанной нити" его судьбы, объясняющий поступки этого "странного"

человека (который кажется странным даже своей невесте). Лужин начинает пропускать занятия — вместо школы он ездит к тете играть в шахматы.

Еще в ту пору "Лужин выигрывает у старика, часто приходящего к тете с цветами. Впервые столкнувшись с такими ранними способностями, старик пророчит мальчику: «Далеко пойдете». Он же объясняет нехитрую систему обозначений, и Лужин без фигур и доски уже может разыгрывать партии, приведенные в журнале, подобно музыканту, читающему партитуру". В детстве героя романа "Приглашение.. " Цинцинната - остается часть той загадки, того ореола таинственности, который постоянно его окружает и выделяет среди горожан и сверстников. В небольшом городке, где он вырос, Цинциннат проводит большинство своих воображаемых путешествий, там же, в Тамариных садах встречается с Марфинькой.

"Писатель, наблюдающий ребенка как живое воплощение будущего воспоминания - образ, повторяющийся в романах Набокова, - писала исследовательница, - создать воспоминание о настоящем - цель писательского труда" . Набоков говорит о том же в одном из рассказов сборника «Весна в Фиальте», когда рядом с местом встречи героев «прошел мальчик, таща санки с рваной бахромкой». В рассказе «Путеводитель по Берлину» ребенку в комнате хозяйки «видно зальце пивной, где мы сидим, - бархатный островок бильярда.. Он ко всему этому давно привык, его не смущает эта близость наша: но я знаю одно – что бы ни случилось с ним в жизни, он навсегда запомнит картину, которую в детстве ежедневно видел из комнатки, где его кормили супом». В рассказе «Лик» так же за героем наблюдает маленький мальчик - «Васюк», в рассказе «Совершенство» - Давид.

Для Лужина, как и для героя стихотворения "Сны", воспоминания его детства есть настоящее. В памяти героя сохранилось все, до «самой последней детали» «живого воспоминания» (Б.Аверин)

По мнению Б.Аверина, сюжет романа Владимира Набокова представляет собой сюжет воспоминания, которому автор отводит центральную, "царственную" роль - в отличие от традиционного романа, где воспоминание - служебная часть любовного сюжета. Так, на опознавании прошлого в настоящем построены фабула и сюжет "Защиты Лужина". "Воспоминание ведет и сюжет "Дара" - от воспоминания героя о собственных стихах, с их обращенностью к теме детства, до пишущегося героем романа - воспоминания об отце. Часто - это собственное воспоминание писателя ("автобиографическая фабула", по словам О.Ивановой (дис. "Проза Набокова двадцатых - тридцатых годов")). Поэтому так распространен в произведениях Вл.Набокова "сюжет изгнания", - в "Машеньке", "Подвиге", "Защите Лужина".. Воспоминание представляет собой сложный осмысленный узор, который видит герой и который является сюжетом романа, часто будучи неочевиден для второстепенных персонажей

Продолжение этого исследовательского пути можно найти в статье "Локализация мира детства..", в которой постулируется биографичность сюжета романа Вл.Набокова, причем первой ступенью, причиной развития сюжета называется детство героя.

"Имение Батово... принадлежало моему деду с бабкой - Дмитрию Николаевичу Набокову, министру юстиции при Александре Втором, и Марии Фердинандовне, урожденной баронессе фон Корф, - читаем в "Комментарии к "Евгению Онегину", - Прелестная лесная дорога вела к нему от деревни Выра, имения моих родителей, которое было отделено извилистой рекой Оредежь (ее "извилистая излучина" промелькнет уже в "Машеньке", - И.П.) как от Батова, так и от поместья Рождествено, принадлежавшего моему дяде Рукавишникову. Непременные летние поездки в Батово - в тарантасе ли, в шарабане - помню с тех самых пор, как мое сознательное "я" всплывает из этой трепетной зеленой бездны, с 1902, скажем, года".

Или в "Других берегах", где описано путешествие набоковых на Ривьеру: "Я стоял на подушке у окна спального отделения... Должно быть, мне удалось отстегнуть и подтолкнуть вверх тугую тисненую шторку в головах моей койки. С неизъяснимым

замиранием я смотрел сквозь стекло на горсть далеких алмазных огней... Впоследствии я раздавал такие драгоценности героям моих книг"

Еще одно яркое воспоминание связано с этим небольшим городком в нескольких километрах от испанской границы, - под окнами квартиры местный воздухоплаватель надувает огромный желтый шар...

А разве не принадлежат тому же миру персонажи повести Булата Окуджавы о "прелестных приключениях" Гридига, Стрекозы и Крэга Кутенейского Барана? -

"Мы шли по острову целый день и целую ночь, но моря все не было. Вот как далеко занес нас ураган. Мы очень устали.

- Я не могу без воды,- сказал Гридиг,- я совсем высох..

- Что же нам делать? - сказал я.

- Вот что,- сказал Крэг Кутенейский Баран,- садитесь на меня верхом. Я сильный.

Мы все уселись на Крэга, но скоро и он устал.

- Что же нам делать? - воскликнули мы хором. В это время на дороге показались два рыжих муравья.

- Мы вам поможем,- сказали муравьи".

Похоже на приключения в Розовой стране маленькой девочки Элли и ее столь же необычных друзей - дровосека, страшилы и тототшки, не правда ли? Хотя приключения героев повести Булата Окуджавы не столь подробны и многочисленны, благодаря таланту автора они вызывают несомненный интерес и сейчас. Как напоминают они события, произошедшие с Кариком и Вaley в книге Яна Ларри..

С каким любопытством читатель наблюдает вслед за К.Маккалоу за детством героини ее романа "Поющие в терновнике"! Хотя на поверхности детство Мэгги не богато впечатлениями, однако в ее восприятии преобразуются самые обыкновенные действия персонажей романа.

Роман Германа Гессе "Игра в бисер" рассказывает о том, что происходит в действительности в основном путем передачи впечатлений детей - которые являются учениками Кастальской школы "игры". Талант выявляется именно в эту пору - утверждает автор.

В романе Марселя Пруста «По направлению к Свану» автор говорит о своих снах (ему видятся образы из прочитанной накануне книги), о воспоминаниях из деревенского детства в местечке Комбре (у двоюродной бабушки), когда он пытливым наблюдал за взрослыми. Тогда-то к ним и наведывался друг деда господин Сван. Это его лучшее воспоминание. Упомянув мельком о метемпсихозе и кельтских верованиях, автор подчеркивает великое значение запахов и звуков для пробуждения воспоминаний.

И вновь мы в «печальном Комбре». Автор вспоминает сонную тишину в комнатах жившей наверху тети Леонии, «аппетитные запахи» ее комнаты. Автор любил поболтать с тетей. Служанка Француза также любила с ней посудачить, пока автор бывал с родными в церкви.

Герою нравилась игра света в расписных окнах, золотой крест, гобелены. Любил он смотреть с бабушкой на колокольню – «палец Бога» (глазел часами), а возвращаясь с мессы, встречал обычно инженера и литератора г-на Леграндена, который говаривал: «Мальчик .. у вас красивая душа, артистическая натура». Любил наш герой прогуляться в садочке возле храма, заходил к парижскому дяде, влюбился в некую даму в розовом. Был у него школьный товарищ – Блок (учитель его – ЛекОнт), заявлявший: «Я живу до такой степени в стороне от всяких атмосферных явлений, что чувства мои не утруждают себя доведением их до моего сознания», часто попадавший в дождь и приходивший домой грязный аки свинья.

В то же время тетя принимала у себя то Евлавию, то кюре, скучала, в однообразии жизни своей свыклась с привычным существованием. Автор ходил в церковь на майские службы деве Марии, нюхал боярышник, «подкалывал» Леграндена (тот нес про тишину, тень, усталые глаза, голубые облака, гвоздики, золотые берега, океаны и прочую чепуху, а мальчик видел его двойную сущность). Однажды автор увидел, как разъяренная Француза поймала цыпленка (для хозяйственных нужд), отчего разревелся. Затем – гулял по усадьбе Свана, в

саду, нюхал розовый боярышник, жасмин; увидел девочку Жильберту, в которую тут же влюбился.

Частенько бродил он и позже по парку, любовался белой луной, орнаментом листьев (почти так же, как набоковский Чорб в рассказе «Возвращение Чорба»), часто встречая по дороге мадемуазель Вентейль (третировавшую свою подругу). Частенько ходил он и в сторону Германта по берегу реки Вивоны (мосты, мальчишки – рыбаки, кувшинки, фиалки, лилии, ирисы), мечтал увидеть герцога и герцогиню из замка.

Однажды на венчании дочери доктора Перспье в церкви он увидел герцогиню Германтскую с большим носом и красным лицом. Но глаза ее были весьма выразительны, что нельзя было не отметить. Автор находился долгое время под впечатлением этой встречи.

Пишут о детстве и современные писатели. Например, Эдуард Успенский, Вл. Александров или Гр.Остер - автор знаменитых советов для детей, таких как "Никогда не мойте руки, шею, уши и лицо, это глупое занятие, ни к чему не приведет" или "Если вы окно разбили, не спешите сознаваться" или "Если вы по коридору мчите на велосипеде, а навстречу Вам из ванной вышел папа погулять". По мотивам этих необычных советов я написал собственные. Они все приведены в приложении, а называются так: "Если вы в трамвае едя по маршруту номер восемь" или "Если нравится вам Брежнев Леонид Ильич наш милый" или "Если вы, пришедши в гости.." и "Если вы на телебашню вдруг по глупости залезли". Кроме того, у Григория Остера есть замечательная, пользующаяся популярностью, "Сказка с подробностями" - коих насчитывается около нескольких десятков. И каких подробностей! ПРО МИЛИЦИОНЕРА, БАБУШКУ, ПАМЯТНИК, КОЗЛА, САМОЛЁТЫ И КОЕ-ЧТО ДРУГОЕ, ПРО НОСОРОГОВ, БУЛОЧКИ И СПЕЦИАЛЬНОЕ ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА, ПРО ЖАЛОБНУЮ НЕПРАВДУ, ПРО ПАНИКУ, ЧЕПУХУ, ГЛУПОСТИ И ОБЛОЖКУ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА, ПРО ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩУЮ НОСОРОГАМ, И ПРО АФРИКУ, ПРО КОШКУ АКСИНЬЮ, ДВЕ ТОЛПЫ, КАРТИНУ ХУДОЖНИКА КУИНДЖИ И ГИРЮ В ТЕЛЕВИЗОРЕ. Что может быть интереснее для детей, чем подробности ПРО НОГИ, ХВОСТЫ И ПОДОШЕДШУЮ К КОНЦУ ПЕРЕДАЧУ, ПРО ШТРАФ, ЗАБЫТЫЙ КОШЕЛЁК, МЕЛЬКНУВШЕГО КОЗЛА, ВЕЧНУЮ РАЗЛУКУ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРО УШИ, БИЛЕТ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ, ПИСТОЛЕТНОЕ САМБО, ПИЛУ, СПИЧКИ И ДОВЕРЧИВУЮ ОВЦУ, ПРО ТО, ЧЕГО НЕ ОЖИДАЛИ ОТ КОЗЛА МАТВЕЯ, ПРО БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПРОЕЗД НА ПИЛЕ, ПИСТОЛЕТ ПОД ПОДУШКОЙ И УСЛОВЕННОЕ МЕСТО! А чего ожидать от подробностей ПРО НЕГРА СЕРЁЖУ И ЖЕЛЕЗНЫЕ БРЮКИ С ЧУГУННЫМИ ПУГОВИЦАМИ, ПРО ОБМАНУТОГО ЛЁТЧИКА, СПЕШАЩЕГО СЛОНА, ГРУБОГО ЛЬВА И НЕИЗВЕСТНЫХ НАУКЕ ЖИВОТНЫХ, ПРО ДРУГА ДЕТСТВА, ЖИВУЮ ШАПОЧКУ, БИНТЫ, КИСТОЧКУ ОТ ХВОСТА, РЕМОНТНЫХ РАБОЧИХ И ШОКОЛАДНОГО ДЕДУШКУ. И ЕЩЁ ПРО МЫШКУ МУШКУ? Это несравненное произведение в оригинальном виде занимает увесистую брошюру. Предлагаю вам ознакомиться со сказкой, сочиненной по его мотивам (см. приложение).

Нужно упомянуть и выдающуюся сказку А. Нуикина "Посвящение в рыцари", герои которой понятны детям. Димка, Катя, научный мальчик, Задира, Буратино, Мальвина и даже Карабас-Барабас - самые настоящие обитатели этого сказочного пространства. О них - рассказ героя, который отправляется в путешествие, чтобы помочь Маленькому принцу (А.Экзюпери), оказавшемуся в негостеприимном королевстве в большой клетке, где тот вместе с барашком ожидает чуда.

Выясняется, что Буратино - отнюдь не храбрый и отважный мальчишка, напротив - завзятый вун, жертва которого - Карабас-Барабас. Оказывается, с обыкновенным представителем отряда драконов можно успешно сражаться с помощью обыкновенной телеги и бочонка с порохом (что и предпринимает Задира). Выдающемуся поступку ребят даже посвящает свою статью заведующий кафедрой драконистики кандидат наук И.Пони:

"То, что раньше было по плечу только таким чудо-богатырям, как Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич, совершают без труда в наши дни простые школьники, -

утверждает И.Пони, - Но мальчики-краеведы убили не только дракона, они навсегда убили страх перед драконами. Ибо, судя по всему, это был последний дракон на земле! Наши маленькие Дуняши могут теперь гулять по улицам сел спокойно, ничья когтистая лапа не схватит их.

Немного сухого. Дракон принадлежит к отряду реликтовых рептилий, семейству драконовых, виду *draconus vulgaris* - дракон обыкновенный. В основном они были уничтожены далекими пращурами человека приблизительно 10 - 12 тысяч лет назад, но отдельные экземпляры дожили до наших дней. Предпоследний *draconus vulgaris* был убит рыцарем Ланцелотом (см. науч. труды Е. Шварца)".

В завершение приключений автор попадает отнюдь не в государство розовых грез, а в Серляндию, которой управляет карлик и вымруки. В Серляндии разрешается:

- а) слушаться,
- б) быть довольным,
- в) любить начальство,
- г) доносить,

- остальное запрещается.

Дети в Серляндии поют следующую песню:

Всегда по ветру нос держать...

Подозревать отца и мать...

А зовут их Мяу, Тяу, Фау и Ляу. Наши герои пытаются освободить ребят от гнета неуступчивого карлика, но пока безуспешно - те приучены повиноваться с детства.

В рассказе Николая Внукова «Том Сойер» мальчики начинают свой литературный путь с написания романа – продолжения приключений известных Тома Сойера и Геккельберри Финна. В новом приключенческом романе Том Сойер становится разбойником. Изрядно сдобренный яркими картинками, на которых изображались поверженные Томом враги, больше похожие на огурцы, роман идет в народ – его читают во всем классе. Большую подшиту тетрадь замечает на одном из уроков учительница литературы и предлагает ребятам впредь проявлять свои таланты не только в жанре приключений, но и в написании ими школьных сочинений.

Не без интереса Вы прочтете и сказку Ирины Токмаковой "Может, ноль не виноват?" В ней Антоша и Аля встречаются с Единницей и Дыдвой из учебника математики. Необыкновенный мир открывается прямо у дверей комнаты: До первого сентября оставалось еще целых два дня. Уже все готово к школе. Школьная форма висит на специальной детской вешалке, гладиолусы купили и поставили в воду с аспирином - чтоб не завяли. А тут еще два дня. И дождь, и мамы дома нет, и Антошка пока не вернулся с дачи. Ну, разве не тоска! Аля протянула руку, взяла из стопки новеньких учебников тот, что лежал сверху. Оказалось - "Математика".

В поисках потерявшегося солдатика они встречаются с такими персонажами как ноль, пятерка и даже минус.

В сказке Татьяны Александровой "Домовенок Кузька" с маленьким домовым встречается девочка Наташа, живущая в городе. Как выясняется, у Кузьки здесь с дедушкой "семь веков амбар был". Кроме того, поблизости проживает старинный друг и приятель Кузьки Нафаня (с его поговоркой "я уж сорок веков как Нафаня"), Вуколочка и Бутеня. Кузьма любит прятаться в духовом шкафу, под умывальником и в ванной, которую он называет "банькой" -

« - Ну, что же ты меня не паришь?

Девочка вошла в ванную. Кузька прыгал под раковиной умывальника.

В ванну он лезть не захотел, сказал, что слишком велика, водяному впору. Наташа купала его прямо в раковине под краном с горячей водой. Такой горячей, что руки едва терпели, а Кузька знай себе покрикивал:

- А ну, горячей, хозяйюшка! Наддай парку! Попарим молодые косточки!

Раздеваться он не стал".

Наташа извлекает его из всех этих мест и на десерт предлагает отведать "олюлюшечки" -

"Он тут же схватил первое попавшееся пирожное и отважно сунул его в рот. И сейчас же спросил:

- Фафа фефэф или фто фофофаеф?

Девочка не поняла, но лохматик, мигом расправившись с пирожным и запустив руку в коробку, повторил:

- Сама печешь или кто помогает?"

В рассказе "Кубики" Ирины Климовицкой сюжет берет начало в детстве героини: "Когда Маруся была совсем маленькая, мама вечерами брала ее на руки и они стояли у окна, ждали папу с работы. Папа приходил поздно, Маруся с мамой, прижавшись друг к другу, смотрели в окно.. Маруся мастерила свои сказки, как бабушка варежки. Однажды Марусе на редкость удачно удалось переплести Машу, ягоды, медведя и трех поросят, она побежала к папе и рассказала. Папа внимательно выслушал и строго спросил: "Разве ты сама это сочинила?"

В повести «Полоса отчуждения», напечатанной в журнале «Костер» в выпусках 1 – 4 за 1988 (или восемьдесят девятый) год мы встречаемся с героиней тринадцати лет, которая не может быть равнодушной к происходящему вокруг нее в городе, к заботам своих друзей, живущих в так называемой «полосе отчуждения». В этом странном месте поведение людей изменяется, становится подчас не похожим на человеческое, а внешнее, напускное, ставится выше искреннего, подлинного, настоящего человеческого чувства. Но, несмотря на это, у героев есть мечта – о чудесном городе, где старшие бы не обижали детей, где растут белые и розовые розы, а на каждом углу бьют фонтаны. Где учительницы – добрые и все объясняют людям даже на улице. Где можно встретить давно потерянного тобой друга.

«Капля росы» Владимира Солоухина – представляет собой образец прозы автора, родившегося и выросшего в деревне и вот теперь вспоминающего о ней.

«Капля росы» – книга о детстве, - пишет безымянный комментатор, - О том самом, возвратном, золотоголовом. Ибо Алепино (или Олепино) родное село писателя Владимира Солоухина. Это, собственно, исповедь человека, полюбившего с детства, всем сердцем, родную природу"

Самойловский лес, река Ворша, Журавлиха, село Олепино, Кормилковский овраг - все эти названия становятся близкими, хорошо знакомыми читателю, который вместе с автором пробирается к селу со станции Ундол или играет в "долгую лапту" или идет собирать орешник. Рассказчик и запомнил, и записал интересные случаи из своей жизни, лица, характеры, виденные им еще в детстве. К таким относится, напр., олепинская тетя Оля, предводительствовавшая большой семьей:

"Как сейчас, вижу огромное блюдо картошки, которое крутится на столе – так энергично.. из него ложками. Но ни разу я не замечал какого-либо беспорядка, анархии за столом: в строгости и выдержке воспитывалась семья. Бедность стола тетя Оля всегда стремилась заслонить веселыми шутками:

– Володя, у вас, чай, картошки-то на стол не подают?

– Как так не подают, тетя Оля, а чего же есть?

– Неужели правда, а я ведь думала, что во всем селе только одни мы картошку-то и едим. Радовалась: вот, мол, как мы живем, картошку едим, а другим только завидовать остается да какие-нибудь паршивые ячишки да мясишко есть. Много ли в них толку! Ан, поди ж ты, и у других картошка, вот не знала!

Впрочем, с таким аппетитом елась эта картошка, что мне хотелось тотчас бежать домой и просить у матери картошку.

Но самое главное начиналось, когда тетя Оля к концу ужина заводила свои, не знаю уж как и назвать, сказки не сказки, побасенки не побасенки – одним словом, свои «страсти»."

Рассказ тети Оли о Лесяне и Поляне и их родственных узах, изложенный Солоухиным, казался сильнее самого замысловатого детектива.

Кроме того, дети читали и "Чапаева" и "Трех мушкетеров" и поэтому вели себя так, что окружающие диву давались. Так, писатель, "прочитав «Трех мушкетеров» и живя в мире благородных дуэлей, шпаг и золотых подвязок, решил было приобщить к дуэлям и шпагам

Грубовых мальчишек". Изготавливали не только шпаги, но и "гранаты" - кульки с дорожной пылью, которые метали в обидчиков. Было еще много такого, о чем не решусь упомянуть в этой книжке.

О том, как непреходяще воспоминание о прочитанной в детстве книге, пишет Владимир Солоухин в одном из рассказов: "Потом, как обрывки смутного, заспанного сна, стали мне вспоминаться разрозненные картинки из книги, прочитанной в глубоком детстве. Книга была про гордого сильного лося, который жил отшельником, всегда один. И как у него был среди трясиных болот недосыгаемый островок, на котором он спасался, и как он схватился однажды с огромным деревенским быком и победил его. И как охотник изо всех сил стремился выследить его. Писатель сделал этого лося, так сказать, личностью, выделил из толпы, из всех остальных существующих на земле лосей. И вот он уж дорог, близок мне".

О родных местах, о деревне писатель говорит так: "с детства вошло, притерлось, соединилось с душой зубчик в зубчик, выемка в выемку, так что при каждой новой встрече происходило полное совпадение и соединение и не надо было ничего лучшего".

В рассказе "Мед на хлебе", написанном в одна тысяча девятьсот семьдесят седьмом году, Солоухин признается, что ни один мед не пахнет душистее, чем как дедушкин мед в липовой кадке, с детства ему знакомый¹.

Так же и знакомые, друзья детства остаются прочно и непререкаемо в моей памяти, и уже не мыслишь свое существование без этих воспоминаний.

Когда-то в детстве, на далекой школьной поездке, отбившись от прочих, – а может быть, мне это приснилось, – я попал знойным полднем в сонный городок, до того сонный, что когда человек, дремавший на завалинке под яркой беленой стеной, наконец встал, чтобы проводить меня до околицы, его синяя тень на стене не сразу за ним последовала... о, знаю, знаю, что тут с моей стороны был недосмотр, ошибка, что вовсе тень не замешкалась, а просто, скажем, зацепилась за шероховатость стены... – но вот что я хочу выразить: между его движением и движением отставшей тени, – эта секунда, эта синкопа, – вот редкий сорт времени, в котором я живу, – пауза, перебой, – когда сердце, как пух.

Владимир Набоков

Немного нынче пишу о детстве. «Немного» - потому что воспоминания мои малы, перекрываются легко тенями сегодняшнего дня. Трудно настроиться на эпический лад, коим отличались все повествования о детстве наших классиков, что воспитывались в среде патриархальной, не знавшей треволнений истории. Или же – напротив, на легкие приключения, украшавшие произведения писателей прошлого века, направлявших своих маленьких и отважных друзей в далекие фантастические путешествия. И тем не менее начну.

В запасе у меня есть клад из воспоминаний – семь общих тетрадей, заполненных мною в ту пору, когда мне было от восьми до тринадцати лет. На их основе и буду знакомить Вас с друзьями моего детства.

Прежде чем приступить, как всем понятно, необходим исторический обзор – так утверждал, например, Антон Палыч Чехов в своем рассказе «Записки вспылчивого человека» (речь в нем шла о знакомстве с Наденькой.. или Варенькой.. или Машенькой и докладе на тему развития «собачьего налога»). Обзор будет не вполне классический – ибо основан он на другом утверждении – которое состоит в следующем: на восприятие маленьким человеком мира, всего, что происходит вблизи него, оказывают большое влияние и те книги, которые он

---

¹ В известном журнале "Чудак":

В редакции

- Скажите, как вы стали литературным критиком?

- Я, знаете ли, с детства чувствую отвращение к литературе.

Так герой романа "Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина" Свинцов, "дорвавшись до простого, знакомого ему с детства крестьянского труда, вдруг почувствовал неизъяснимое наслаждение".

прочел или читает в это время. Для меня такими книгами были.. здесь следует поставить многоточие, ибо книг было немало, - и следует выделить только те, в которых речь шла о самых юных героях, об их переживаниях, чувствах².

Итак, библиотека моя состояла из следующих произведений. На первом плане были сочинения Владимира Солоухина, хотя не все они говорили о детских годах так, как, скажем, «Капля росы», в которой замечательная панорама алепинской жизни обогатила мой читательский мир неповторимым, очаровательным сборником зарисовок – картин детства. За ней следовали «Владимирские проселки» и «Третья охота», выдержки из которых можно встретить даже в справочных пособиях по такому серьезному курсу как современный русский литературный язык (изучается в университете). Очарование тонких лирических зарисовок Владимира Солоухина не просто передать – да и этого не требуется, достаточно прочесть их в подлиннике. «У человека самая яркая пора – детство. – пишет Солоухин, - все, что связано с детством, кажется потом прекрасным. Человека всю жизнь манит эта золотая, но увя, недоступная больше страна – остаются одни воспоминания, но какие сладкие, какие ненасытные, как они будоражат душу. Даже невзгоды, перенесенные в детстве, не представляются потом ужасными, но окрашиваются в смягчающий, примиряющий свет».

Очарование детства, неповторимая его отрада отражены и в произведениях Владислава Крапивина. Прекрасный мастер прозы, он именно в своих повестях о детстве, достигает наибольшей, высокой выразительности сюжета. «Оранжевый портрет с крапинками», «Выстрел с монитора», «Застава на якорном поле» - вот, пожалуй, самые яркие, самые запоминающиеся его романы. Необыкновенные способности героя, отличающие его в кругу остальных персонажей, смелость, преданность Родине – не могут оставить равнодушными молодых читателей, которым, собственно, и предназначаются названные сочинения. В ряду писателей – авторов произведений с насыщенным, порой фантастическим сюжетом – выделяется и Кир Булычев. Знакомство с его романами началось для нас с известной постановки, вышедшей на экраны в одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году – с «Гостьей из будущего», а также с повести под длинным названием «Каникулы в космосе или планета Пять-четыре». Так же как романы В.Крапивина, повести Кира Булычева по сути продолжают одна другую, благодаря этому выстраиваются в один большой приключенческий увлекательный сюжет, который представляется не менее действительным, чем фантастическим.

---

² Подтверждение этому «правилу» можно обнаружить в повести Жана-Поля Сартра «Слова». В двух частях повести – «Читать» и «Писать» маленький Пулу – Сартр – внук Шарля Швейцера и Луизы Гиймен (бабушки, которая, по словам автора, «недостаточно восторгалась мной»), сын их дочери Анн-Мари, единственный ребенок в семье – рассказывает о своем увлечении (а вернее, полном подчинении власти) книгами. «Книги были для меня птицами и гнездами, домашними животными. Я был Лаперузом, Магелланом, Васко да Гама. Я был ребенок, а ребенок – это идол, который они творят из своих разочарований» (спорное мнение об «идоле», впрочем, с классиком французской литературы спорить не с руки). Жизнь его в молодые годы сопровождалась просмотром и благоговением перед сочинениями в кабинете деда. В остальное время – ходил в школу, прожигал спичками ковры, ходил в кино и в театры, много фантазировал (воображал себя героем). Грезил, по причине чего его сверстники из Люксембургского сада не хотели с ним играть. Потом, вооружившись словарем рифм, стал творить стихи, а затем принялся за романы.

О детстве и прочитанных в ту пору книгах так вспоминает, напр., Глеб Самойлов: "Первая книжка, с которой я начал читать, была "Робинзон Крузо". Это было в первом классе, и с тех пор читал - все, что угодно. Я не представлял себя каким-то конкретным героем. Я представлял себя собой, но тоже там участвующим. А потом, когда мне лет десять исполнилось, было то главное, что я уже на всю жизнь для себя застолбил - Гофман. "Крошка Цахес", причем такая книжка, каких теперь не выпускают - большое красивое детское издание с очень хорошими картинками. То есть другой мир".

Нужно отметить еще повесть Евгения Велтистова «Золотые весла времени», в которой герой оказывается в собственном детстве в буквальном смысле! Благодаря Ветру и Алене. Снова посмотреть любимые фильмы, посетить старые уроки, поиграть в те-временные игры – вот какие возможности предоставляются здесь ему. Или, как сказал бы известный писатель Владимир Набоков, «наклониться – и в собственном детстве кончик спутанной нити найти». К слову сказать, в романах и рассказах Владимира Набокова пристальное внимание уделяется детству героя. Таковы рассказы «Лебеда» и «Обида», «Приглашение..» и, разумеется, роман-воспоминание «Другие берега». С удивлением и узнаванием прочел автор этих строк «Другие берега» уже в последнем десятилетии прошлого века – так точно и недвусмысленно описаны впечатления мальчика в этом романе (хотя и проживавшего в Петербурге, на Морской, и так далеко по шкале времени от нас).

И стихотворение Набокова "Для странствия ночного мне не надо" тоже расскажет о мире детства:

Для странствия ночного мне не надо
ни кораблей, ни поездов.
Стоит луна над шашечницей сада.
Окно открыто. Я готов..

Я подхожу к неведомому дому,
я только место узнаю...
Там, в темных комнатах, все по-другому
и все волнует тень мою.

Там дети спят. Над уголком подушки
я наклоняюсь, и тогда
им снятся прежние мои игрушки,
и корабли, и поезда.

В стихотворении "Одна из песен счастливого луга" нахожу строки - "Воскресное утро, около половины одиннадцатого. Прекрасное утро, вкупе с ясными облаками вдали. Дети и клоуны появляются из колясок ближе к полудню, тому часу, когда жук карабкается на стебель и улетает".

Так же выдающийся роман «Защита Лужина» продолжает обозначенную в «Других берегах» эмоциональную содержательную сторону воспоминаний героя. С описания детства героя начинается этот роман, и читатель сочувствует, сопереживает ему как подлинному человеку, серьезному, со своим богатым миром, с впечатлениями, которые останутся навек. Даже в романе «Лолита» у Гумберта есть воспоминание о его собственном детстве, которое столь контрастно его временному состоянию в середине произведения. Гумберт Гумберт как бы вырастает из пушкинского прототипа, детство, отрочество и юность героя "Лолиты" сопровождаются рядом деталей и мотивов, прямо или косвенно указывающих на генетическое родство с Евгением Онегиным . Однако Гумберт Гумберт - уже в некотором смысле Онегин, вспоминающий свое происхождение не без иронии: " ... я рос счастливым, здоровым мальчиком в ярком мире книжек с картинками... от кухонного мужика в передней до короля все любили, все баловали меня" (комментируя "Евгения Онегина", Набоков также отметил, что гувернер и его водил гулять в Летний сад). Подобно Онегину Гумберт переживает и кратковременное, но пылкое увлечение книжными науками и, в частности, искусством изящной словесности ("...мои занятия... были прилежны и пристальны, но не очень плодотворны"). Воспоминание это, этически окрашенное, становится частью жизни героя. Здесь есть сближение и с традициями русской художественной мемуаристики, и с известным "Детством" Натальи

Саррот. В воспоминании даже удаление от бывшего некогда как будто делает его безупречным, придает живость картине настоящего.

В этом отношении характерен рассказ Набокова "Красавица" (сб. "Соглядатай") - по мнению О.Гурболиковой, "совершенно чеховская проза, с ее полунамеками, безсобытийностью, затаенной тоской". Вся жизнь Ольги Алексеевны - героини этого рассказа и классической провинциальной чеховской барышни - протекает "покойно и весело, как исстари у нас повелось" в окружении с детства знакомых людей и вещей, в полном согласии с эпохой - в кругу простых стихов, усадебного солнца, старосветских русских речений и полуромантических прогулок в плодовом саду (на романтический характер сюжета В.Набокова указывал А.Леденев, заявляя, что "эпический материал" подвергнут здесь переработке, а лирические мотивы составляют весомую часть повествовательной "ткани"). В отличие от чеховской барышни детство Натальи Саррот протекало в Париже и Подольске, в Швейцарии, в Петербурге, в русской деревне и французской «глубинке». Русская бабушка и русская няня, русские песни и сказки, леса и поля и черты уездной российской старины, и память истории – вот из чего складывается содержание этих воспоминаний о детстве. «Композиция «Детства» довольно проста, - пишет Морис Воксмехер, - рассказчица ведет нас от первых отрывочных сцен, оставшихся в памяти пяти-шестилетней девочки, к ее школьным годам, к кануну мировой войны». В сознании девочки, по словам исследователя, вспыхивают и затухают некие «тропизмы» - импульсы. По словам Н.Саррот, романист должен был обратиться к психологическому началу, так как традиционный роман себя якобы ищерпал (сборник «Эра подозрений», 1956). По мнению советских критиков, «тропизмы» отражали коллизии современного им западного мира, их заботы.

«Детство» Натальи Саррот назвали знаменем целой эпохи описания детства. Впрочем, знакомство с этим произведением не приводит в восторг. Представленный разговор между взрослой и юной Натали Саррот зачастую неубедителен. Начинается он со смутных воспоминаний о том, как героиня резала ножницами шелк канапе, о днях в швейцарском отеле (и здесь же возникает картина – маленький Набоков, пускающий паровозики по льду во дворе отеля в Висбадене), о том, как матушка рассказывала Натали сказки собственного сочинения. Затем – жизнь в городке Каменец-Подольском у дяди Гриши Шапутоновского в просторном семейном доме, представляющая в основном игры с кузеном Петей и кузиной Лелей, а также тетей Анютой, первая книжка – «Хижина дяди Тома» (идеологическая выдумка, как сказал бы Набоков), блестящая коллекция флаконов. Затем – путешествие в Иваново, и папа, поющий трогательную колыбельную (хотя петь папа не умел), гуляния с тем же папой в Люксембургском саду, прогулки с молодой няней Глашей по магазинам и скверам Петербурга, плюшевый мишка, игры в парке Монсури с ровесником Пьером, сыном ученого.

С большим романтическим чувством описывает Наталья Саррот школу (хотя ничего романтического в этом кефирном заведении нету, как показала практика, - смотрите хотя бы «Приглашение..» Владимира Набокова), первые школьные диктанты. «Школа главенствовала над твоим существованием, придавала ему смысл», - говорит Н.Саррот как будто самой себе. Здесь же – игры с Люсьен Пинар, дочкой владельцев светлого, уютного кафе, и большая печаль, вызванная тем, что Лили выбросила, предварительно разодрав на клочки, ее любимого мишку. Особым образом отмечены революционеры (признак эпохи!) во главе с заикой и узником Шлиссельбургской крепости Ивановым – друзья отца, Вера «с вечно распухшим лицом», «добрая, ласковая, обожающая танцевать истеричка», бабушка, учившая Натали вязать платки и играть на пианино, маленькая сестренка Лили (дочь отца) и увлечение найденным в старом комод «Рокамболом» Понсона де Террайля, с которым связано «мгновение высшего счастья».

В июле 1914 года Натали Саррот со своей мамой гуляют по фруктовому саду. А в августе.. но это уже совсем другая история.

1.

«Как медленно скользит ладья из тени в свет. И снова возникает узорный плющ на мраморных ветвях..» Так медленно возникает воспоминание, неуловимый миг – и оно ярко, свежо, пахнущее. И какие неведомые пространства открываются, стоит подумать, что не произойди случайность – и жизнь потекла бы по иному, мрачному руслу, не насыщенному вот этим цветом, этими звуками залитого солнцем двора.

Левый берег – вот отправное начало нашего воспоминания. Вид на городок нефтяников, заполоненный дымом над горизонтом, небольшой парк, универмаг через дорогу, и далекий, первый предвестник романтического, трамвай, направляющийся в неведомую даль уходящей на восток улицы.

Мы только что вернулись из «детского сада». Впереди – ужин и безмятежный вечер. У меня в руках книжка с аляповатыми картинками. Ввиду присутствия этих разукрашенных рисунков она выглядит подозрительно и малоинтересно. Хорошо, если строчки выглажены ровными рядами – тогда это сказка или рассказ, читать их можно. Но берегись, если экономный автор обратился к поэзии – жанру, который не вызывает моей симпатии. Лучшее из произведений – сказка Пушкина о царе Салтане, остальные мне не интересны. «Руслан и Людмила» - огромное фантасмагорическое полотно, в высшей степени бессмысленное! Чего стоит одна только голова, обнаружившаяся при ближайшем рассмотрении в чистом поле. Каким образом она и зачем там явилась читателю, вследствие каких природных причин, непонятно совершенно. Далее – сюжет поэмы – он абсурден! Черномор, дряхлый старичок, наделенный по странной прихоти автора способностью летать, утаскивает Людмилу прямо с брачного пира (что само по себе возмутительно). Зачем? С какой целью? Эти вопросы представляются совершенно необъяснимыми детскому воображению. Руслан отправляется в путь – он ищет свою возлюбленную. Этот сюжет знаком нам по сказке о царевне и семи богатырях (королевич Елисей). Но вслед за ним поспешают Рогдай и другие мусульмане. Почему? Что этим чужеземцам понадобилось в русской поэме, так и остается загадкой.

А сказка о золотом петушке? Знакомый случай – несмотря на то, что прилежный петушок с высокой спицы стережет страну, непокорный воле провидения царь Додон отправляется в гости к Шамаханской девице и .. задерживается у нее! Спрашивается, что понадобилось Додону у девицы? Совершенно непонятна его «задержка», и симпатии мои были бы целиком на стороне петушка, если бы его неприглядный поступок – клевок в темя пожилого человека, да еще обремененного табором в лице означенной Шамаханской.

В другой сказке золотая рыбка – тоже ведет себя с несвойственным животным (в частности, рыбам) коварством. Усыпив бдительность пенсионера сладкоречивыми обещаниями, она под прикрытием морской бури «машет хвостиком» и разрывает свою договоренность (совершенно безжалостно по отношению к бабушке), не хочет быть у его семьи «на посылках». Этим капризом рыбки достигается апофеоз финала. Пенсионеры оказываются вновь «у разбитого корыта». Теперь спрашивается, зачем рыбке понадобилось проводить всю эту катавасию с приобретением барских хором (напомним, бабушка хотела быть столбовою дворянкой)?

Обзор завершается сказкой о царевне и семи богатырях. На этот раз на страницах этой длинной сказки встречаются множество недружелюбных существ – начиная от зеркала, которое всем говорит правду в глаза (а могло бы что-нибудь придумать), коварной мачехи (см. также сказку «Двенадцать месяцев»), и до ветра и месяца, которые никак не понимают, что происходит в действительности, причем разговор с двумя последними выглядит весьма подозрительным и наталкивает на мысль о чудачестве героя, - ибо месяц и ветер – объекты, относящиеся к категории «неодушевленных» и разговаривать не могут исходя из своей, извините, экзистенции.

Удивительное это время. Когда все, что происходит вокруг воспринимается буквально – и должно так восприниматься. Когда слово человека – это его поступок, и слова великих поэтов, писателей воспринимаются как слова твоих современников, живущих где-то не так

далеко, чуть ли не по-соседству. И степень таланта писателя служит отметиной ощущения близости пребывания его вот в этом пространстве. Самым близким и понятным был Пушкин, за ним следовали детские писатели – Ирина Токмакова, Татьяна Александрова, Т.Белозеров, А.Семенов, С.Михалков и другие. Все-таки быть детским писателем дано не каждому. Иногда Шарль Перро, братья Гримм, Ганс Христиан Андерсен с его «калошами счастья» и даже Герберт Уэллс были для меня ближе иных титулованных классиков. Так, «Сказка о Пете, толстом ребенке и о Симе, который тонкий», сочиненная небезызвестным Маяковским, не произвела на меня отрадного впечатления, думаю, по причине отсутствия яркого и запоминающегося, желательно приключенческого или фантастического сюжета. В самом деле, кому в мире интересно, как Петя, «толстый ребенок», «жадно лопал сладкий пончик», выйдя соответственно своему классовому положению, на балкончик?

Первыми впечатлениями от произведений детских писателей автор обязан и таким журналам, как «Мурзилка» и «Веселые картинки». При этом первый из упомянутых журналов ценился им больше, свидетельством чего является произведенный с мальчиком со второго этажа обмен подшивки «Веселых картинок» на журнал, воспетый Эдуардом Успенским. Особенный интерес представляли для меня сказка С.Михалкова «Сон с продолжением» (по мотивам которой я в благодарность автору через два десятилетия сделал игру) и сага «Двенадцать агентов Ябеды-Корябеды» и «Третий «А» попадает в карман» А.Семенова (впоследствии помещенная мною в коллекцию журнала «Бузовик»).

Наступившее лето по-своему расставляло тени и предметы в наискось освещенном дворе, солнечные блики лежали на пыльных стеклах, и гул летящего самолета или шмеля был самым громким звуком в этой картине. На столе оставленная пластинка или журнал, и ощущение легкой покинутости всего – словно кто-то только что вышел и вот-вот войдет. Спустимся вместе по неуступчивой лестнице и приоткроем дверь во двор. Большую часть онога занимают лесные насаждения – березы, среди них встречаются детская качалка, песочница, цветочные клумбы, голубиный домик. Если выйти из двора, обогнуть девятиэтажный дом и повернуть направо, можно добраться до улицы Лукашевича – заполненной обычно в это время движущимися экипажами. За магистральной веткой простирается новый мир – озаменованный пред нашим взором появлением универсама. О, в посещении универсальных магазинов (этого и еще на улице Перелета) детское сердце находило собственную поэзию.. Вступить важно на ступеньки крыльца, с видом первооткрывателя обозреть представлявшееся тогда огромным пространство, а затем предпринять путешествие по лабиринту из корзин и прилавков, путешествие, которому могли бы позавидовать герои повести Джерома К.Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Что может быть интереснее!

Запомнилась еще одна картина: я сижу в аптеке, в комнате, и разрисовываю брошюру «Раскрась сам». Разрисовываю старательно, со знанием дела: фрагменты рисунка покрываются яркими, невообразимыми доселе цветами, никак не соотносящимися с основным сюжетом книжки или образцами, приведенными на предпоследней странице. Такое представление о прекрасном да не удивит вас, дорогие читатели.

Этим эпизодом в основном и ограничиваются мои приготовления к подготовке к школе. Если, разумеется, не принимать во внимание посещение «Детского мира», большого универсального магазина, расположенного в центре Омска. Названное помещение ввиду его необъятных размеров и притягательной направленности производило на автора этих строк исключительное впечатление, с которым сравнится разве что Ленинский рынок. Игрушки и аляповатые машинки не притягивали мой взор. Отнюдь! Загадочные настольные игры в коробках (и чем коробка больше, тем, значит, игра лучше) были предметом первоочередных мечтаний. Таким образом были приобретены игры «Штурм крепости», «Угадай мультфильм», «Азбука бережливости» и другие. Была еще одна игра, в которой нужно было склеивать олимпийские медали бронзового, серебряного и золотого достоинства и стремиться к финишу. Разумеется, все названные игры нельзя сравнивать с современными игрушками (в

которых и взрослому подчас непросто разобраться), но тогда они казались мне верхом человеческого гения.

В ту пору непревзойденными казались мне и краски Ленинского рынка, являвшегося в итоге целого путешествия, с рассматриванием аллей и улиц города из окон второго трамвая, чему мог бы позавидовать герой набоковского рассказа «Сказка» (впрочем, рассматриванием не столь предосудительным, как в рассказе). Утренняя свежесть, колоритные продавцы (напоминающие носорогов из повести «Сказка с подробностями»), овощи, помидоры, дыни, арбузы.. Особенное место уделялось в этих поездках процессу выбора дыни. Место ему отводилось в финале похода по рядам рынка. Эксцентричный продавец с неприменной веселостью нахваливал свой товар, а покупатель придирчиво рассматривал его достоинства. Как известно, на востоке базар – и есть своеобразный ритуал (о чем писали Эдуард Гуфельд и Юрий Аракчеев)³. В союзе, счастливым благодатным соседством со среднеазиатскими республиками, рынок также был частью определенной среды, в которой действовали те же джентльменские манеры.

2.

А этот дождь на весь день..

Все думали, что мне просто лень.

И пусть

на самом деле я боялся, но

Теперь все равно, и я не боюсь.

Осень падает с деревьев, серое небо в лужах,

Дети не идут домой - им ничего не нужно.

Глеб Самойлов

Случалось ли Вам наблюдать то чувство, которое многие называют «дежа вю»? Однажды (а потом и еще раз) я испытал подобное чувство в совсем юном возрасте – на миг оставшись один (мои друзья по играм убежали вдаль) среди уходящей осенней перспективы небольшого парка. Странное чувство – «как будто повторяется какая-то история» - при точном понимании того, что нечто в мире происходит впервые. Я увидел парк, детскую лесенку и почувствовал, что все это уже было когда-то. И теперь, когда за стенами раздается дрожь бессмысленного сверла, мешающего писать, я сохраняю в памяти этот миг – удивительный, необычайный. Такой похожий на изложенный Владимиром Емеличевым в одном из своих рассказов: «Войдя один за калитку, я бродил тихо и задумчиво по пустынным дорожкам, засыпанным осенней листвой, осматривал места своих игр и забав, вспоминал детишек, с которыми здесь был, и вдруг с глубокой грустью совершенно отчетливо осознал, что вижу все это в последний раз, что.. не вернусь сюда». Действительно, В.Емеличев прав в одном – детство словоохотливыми писателями рисуется часто как веселое, беззаботное, не

³ Вспоминает Эдуард Гуфельд: «Возвращаясь из Туниса, мы провели несколько дней в столице этого государства. Однажды на прогулке к нам подошел человек и предложил купить баранью шкуру. В том, что это была именно баранья шкура, я не сомневаюсь и поныне: ее запах преследует меня всю жизнь! Мы сказали, что шкура нам не нужна, но человек шел за нами не отставая.. Долго не удавалось избавиться от назойливого продавца. И все время, пока мы прогуливались, нас преследовал страшный запах. Я не выдержал, остановился и спросил, только чтобы отвязаться:

- Сколько вы хотите за эту шкуру?

- Пятьдесят динаров!

Я сказал:

- Один!

И не успел я это произнести, как человек взвалил на мои плечи эту отвратительную шкуру и сказал: «Договорились!»»

знающее болезней, тревог и печалей, бессмысленно-жизнерадостное. Однако на самом деле и такие серьезные размышления посещают в эту пору.

Запомнилась мне и одинокая, странная дорога в школу, и большой дуб с необыкновенного фасона листьями, стоявший недалеко от пятиэтажки, и узкие дворы, на которые выходили потайные ходы магазинов. Первый раз - в первый класс? Ничего особенно праздничного или примечательного. В памяти осталось прохладное, со свежестью, утро, быстрые сборы, большое количество "первоклассников", первый урок, к которому готовился, впрочем, (хотя ничего и не задали) с большим трепетом. И вот сохранилась от того сентябрьского облачного дня широкая фотография: на ней учительница и первый класс из тридцати трех юных дарований, в котором мне предстояло проучиться всего три четверти.

Школа сорок семь сама по себе производила серьезное впечатление: высокая, в четыре этажа, с большим полем (или только мне так представлялось?), парком, расположенным буквально рядом и служившим нам для неспешных прогулок и сбора гербариев. В парке пролегла и лыжня, по которой мы катались зимой.

Следует заметить, что зима была особым временем, связанным с праздничной елкой, катанием не только на лыжах, но и с горки. Порой для этой цели выезжали в Красноярку - а там - зима уж представляла во всей красе соснового бора, с белками и снегирьками, простором речной глади, одетой в снег. В Красноярке – богатство, необыкновенное убранство леса, высота деревьев, перелеты птиц, снег, затянутая льдом дорожка – все пробуждало воображение. Больше всего отличилась роскошная столовая дома отдыха, украшенная головой оленя, поистине сказочной, удивительной, вызывавшей даже некоторую опаску – неужто остановилась на постой, неужто не зашевелиться в следующий миг?

Прогулки к обозначенной столовой среди обрешеченной арками дорожки и нетронутого ветрами эпохи соснового бора представляли особое событие для меня. Что уж говорить о длительном походе в Красноярку, завершившемся посещением нескольких магазинов, сгруппировавшихся у реки недалеко от центра деревни! Особенно ценились в то время книжки – благо страна была, как известно, самой читающей. Мы приобрели в универмаге «Серую шейку» (произведение, насколько мне помнится, Мамина-Сибиряка) и карту Омской области. По возвращении из похода я показывал карту тоже юному, но менее образованному соседу по дому отдыха, объясняя, в каком месте нашей губернии он, собственно говоря, находится. Здесь же следует отметить, что «Серая шейка» моего любопытства не удовлетворила, явившись своеобразным библиографическим разочарованием: сюжет произведения показался мне надуманным, характеры персонажей – явно вымышленными.

Как только пришла зима одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого – восемьдесят пятого годов мы всей семьей принялись обустроить новое жилище – трехкомнатную квартиру, расположенную на улице Кирова. Я сразу же оценил простор и ширину коридоров, а также обилие комнат (сравнительное, разумеется), и часто пускался в прогулки по недостроенной еще квартире, воображая себя Бог весть каким путешественником и первооткрывателем. Мы клеили обои, стеклили окна, навешивали двери, прибавляли плитуса. Валенки примерзали к полу (зима, однако!) Зато «новоселье» - девятого мая - удалось на славу.

Так завершился наш «переезд» и расставание с улицей Лукашевича (названной, к слову сказать, в честь Николая Савельевича Лукашевича – рабочего Главных Омских железнодорожных мастерских, руководителя Омского Союза рабочей молодежи в 1917 - 1919 гг). Появилась на горизонте и вторая школа - №54, расположенная посередине частных кварталов, и полюбившаяся мне больше двух остальных. Может быть, потому что провел я в этом учебном заведении всего одну четверть, может быть, потому, что там были у меня друзья, которые не были склонны к неприглядным поступкам. В этой школе была вручена мне первая почетная грамота – событие, которое Вам может показаться незначительным – но какое торжественное, праздничное настроение возникло у меня благодаря этому знаку отличия за учебу и поведение – этого, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать.

Летом этого же – восемьдесят пятого – года я прочел замечательную книжку Носова о друзьях, которые летом разводили пчел. Само занятие пчеловодством меня привлекало мало. Гораздо интереснее было другое – как мальчик (теперь я понимаю, что это был маститый писатель, прозаик) умудрился так подробно и так увлекательно рассказать о казалось бы внешне вполне обыкновенных днях своей жизни, своих действиях, поступках. Мало-помалу сформировалась мысль написать подобный дневник, в котором было представлено взыскательному читателю все, что меня волновало и занимало в это время.

Итак, была приобретена большая, в сорок восемь листов, тетрадь, на обложку была наклеена красивая «шапка» со звездой и обрамленной горными мотивами надписью «Дневник», и автор принялся за свой долгожданный труд. Начинался «Дневник» пятнадцатого декабря одна тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, в воскресенье. При этом автору так не терпелось начать записи, что встал он очень рано. Затем принялся играть в шашки и кататься на лыжах «Ветерок». «Но больше ничего интересного не происходило, - с огорчением констатировал я в первый день существования «Дневника» - Но разве я виноват, что ничего со мной не происходит! (фраза, по-видимости, заимствованная из книги «Витя Малеев в школе и дома»). Но следующий день, шестнадцатое декабря, выдался более насыщенным. Утро автор посвящает катанию на лыжах, а затем продолжает это полезное для здоровья занятие на уроке физкультуры (причем всякий раз упоминает название лыж, - видимо, относился к ним с большой бережливостью). Затем следует поход в библиотеку. Автор «Дневника», как явствует из записей, приносит домой следующие книги:

а) «В стране деревянных королей» (занимательная большая книга о шахматах Ильина)

б) «Книга былей и небылиц про медведей и медведиц» (она мне не очень понравилась – какое дело второкласснику до каких-то медведей?)

в) «Мышонок Пик», произведение Виталия Бианки, культового в свое время автора, «заданного» по внеклассному чтению, и

г) «Как стать кругосветным путешественником» (книга, которая меня заинтересовала больше всего)

Во вторник автор традиционно посещает музыкальную школу. Нельзя сказать, чтобы уроки нотной грамоты и сольфеджио доставляют ему большую радость. Отнюдь! Ему подавай что-нибудь сказочное, с филологическим уклоном – и он сочиняет контату «Идет коза рогатая», а также музыку к стихотворению «Солнышко» («Солнышко, солнышко, выгляни в оконце..») – все в домашних условиях, при помощи миниатюрного пианино, на которое не поскупились его щедрые родители. Но и здесь, в музыкальной школе, нашего автора подстерегают неприятности – так, он замечает – «Еще нужно сказать, что Саша Семушкин сегодня что-то взбесился. Со всеми дрался, даже со мной». Где теперь этот безвестный Саша Семушкин, выбился ли в люди или благодаря своему темпераменту покинул мир тревог и забот, изглоданный ревматизмами и подагрой?

Слава Богу, такие экспрессивные молодые люди в ту пору обитали только в музыкальной школе. В школе обыкновенной все было благополучно. На уроке труда мы делали светофоры (причем за мой отличный светофор я получил «тройку» - не забуду никогда такой вопиющей несправедливости) и елочные игрушки, а также шкатулки из открыток. Последние изготавливались в результате того, что новогодние открытки аккуратно сшивались одна с другой, и таким образом образовывались четыре стенки, крышка и доньшко «шкатулки». На меня они производили неизгладимое впечатление, тем более что сам я смастерить такое чудо не мог.

Важное место в выполнении домашних заданий занимали упражнения по математике и «русише» - русскому языку. Да, славные были времена, - говорю я, сравнивая те задания с упражнениями по современному русскому языку, практикуму по диктантам и другому разнообразному синтаксису. Впрочем, и тогда, упражнения по русскому языку отличались, на мой взгляд, двусмысленностью и коварством. В «Дневнике» от семнадцатого декабря восемьдесят пятого года находим такую запись: «Нам задали упражнение двести сорок девять по «русише». Я его долго не мог понять, но все же понял».

Позже на уроках труда пришлось увидеть в действии и работать на металлообрабатывающих и деревообрабатывающих станках. До сих пор на даче у нас хранится маленькая скалка, изготовленная мною собственноручно на втором виде станка и разукрашенная в области ручек разными цветами.

Уроки труда вел у нас Владимир Августович, позже ставший руководителем нашего класса и претерпевший на этом посту немало волнений. Задача увлечь юных казаков-разбойников сколько-нибудь полезным трудом оказалась не из легких. Но какие великолепные вечера и концерты устраивались его подопечными (то есть нами) для пап и мам. К слову сказать, и я принимал участие в составлении сценариев указанных концертов (правда, не самое главное). Апофеозом преподавательской деятельности Владимира Августовича стал поход, устроенный им для учеников тогда уже седьмого класса, который состоялся зимой, при температуре минус восемь градусов Цельсия. В поход пошли все, даже те, кто имел весьма отдаленное понятие о том, каким образом следует передвигаться на лыжах. Даже автор этих строк собрал свой рюкзак.

Высадившись из троллейбуса на окраине города, мы устремились гуськом вглубь леса. Предводительствовал нами Владимир Августович с истинно преподавательским тактом. Теперь даже в стенах педагогического института, что на реке Оми, не встретишь столь чуткого и талантливого педагога, учителя, что называется, по призванию. Но прочь неуместные дифирамбы! Установившаяся холодная погода не располагала к взаимному проявлению теплых чувств. Участники похода (а это были в основном мальчишки) быстро остановились и поставили задачу перед оставшимися в меньшинстве девочками – подкрепиться. И вот на свет появились припасенные консервные банки из-под тушенки, хлеб, ложки, чашки. Говорят, что при подобных условиях, на фоне природы, любой завтрак выглядит необыкновенно аппетитным. Однако то ли проголодались мы мало, то ли девушки оказались не столь искушенными поварами, однако все горячее питание оставило после себя двойственное впечатление. Которое, впрочем, скоро развеяли игры на свежем воздухе и самое притягательное для мальчишек – катание с горок близ Московки. Не обошлось и без падений, но разве могли такие мелочи испортить хорошее настроение установившегося дня? Впрочем, Владимир Августович был, пожалуй, единственным из преподавателей, серьезность и ответственность которого в любой ситуации, обеспечивали ему самое безоговорочное признание подопечных учеников. Недаром именно ему поручили руководство нашим классом – самым неприкаемым в школе. Для характеристики большинства же преподавателей и основной атмосферы в школе подойдут больше всего слова из моего русского перевода сказки Льюиса Кэрролла «Лариса в стране чудес» -

«- Была наша школа придонная, - продолжила Телепаха.

- Придонная? При Вашем доме? - спросила Лариса.

- На дне морском... Ты что же, не веришь?

- Верю.

- Нет, не веришь! - топнул ножкой Грифон.

- Верю, - настаивала Лариса.

- Тогда не спорь, - сказала Телепаха.

Но Лариса и не думала спорить.

- Образование мы получали отменное, и все потому что отменяли занятия чуть не каждый день, - сказала Телепаха.

- А я каждый день в школу ходила, - вспомнила Лариса.

- Каждый день? - взволновалась Телепаха, - и каждый день у тебя были мороки?

- Мороки - это морские уроки, - пояснил Грифон, - на них нам основательно морочили головы. А сколько было мороки, когда их задавали на дом...

- Причем мы изучали только самые важные предметы: сперва левоплясание, затем действия в марте-мартике - тепление, таяние, прилетание, умножение...»